

Все персонажи данной книги вымышленные,
любые совпадения с реально живущими
или жившими людьми, а также с любыми событиями,
имевшими место в действительности,
являются случайными.

«Мы слышим запах травы,
Мы пьём облака,
Наши души — цветы,
Наша память — река,
Нас невозможно узнать,
Мы носим лица людей,
Мы для того, чтобы ждать,
Один из ста тысяч дней».

Дельфин «Чужой»

Три года назад

Кто способен с идеальной точностью определить, где заканчивается один район мегаполиса и начинается другой? Возможно, картографы, по роду деятельности знающие, какая линия на скучной схеме является границей между территориями, а иногда — между её обитателями. Но эти линии далеко не всегда видны в реальности и бывает так, что даже картографы путаются, оказавшись среди безликих бетонных коробок, неотличимых друг от друга и не вызывающих никаких чувств, потому что строили их не для красоты, а для дешёвой крыши над головами их обитателей. Для того, чтобы вечером, или утром, после ночной, вернуться в тесный подъезд, стены которого расписаны пошлыми надписями, и на скрипучем лифте подняться на тридцатый этаж, в муниципальную квартиру, размером чуть больше гроба. Как отыскать пограничную линию среди коллекций поставленных друг на друга гробов, высотой в восемьдесят или сто этажей? Возможно, внутренние границы мегаполиса хорошо видны с высоты — пилотам самолётов и вертолётчиков, но только не ночью, когда всё залито электрическим светом, желтоватым и ярко-белым, и разноцветным, там, где это уместно, и в россыпи искусственных огней легче лёгкого запутаться и растеряться, с трудом ориентируясь на очевидные строения, внешний вид которых не спутаешь. Такие здания ещё

сохранились — выдающиеся, и есть подозрения, что строят их специально, потому что другие приметы ночью отыскать невозможно. Но то — сверху, с самого неба. А с крыши одного из деловых небоскрёбов большого Сити, Москва являлась ярко сверкающим ковром, длинный ворс которого был пока ещё придавлен в историческом центре, внутри Садового кольца, где, несмотря на жгучее желание девелоперов, не строили здания выше двадцати этажей. Но искусственного света было предостаточно и внутри Садового. Так же, как за его пределами: гигантские экраны с надоедливой рекламой всех товаров мира, подсветка зданий, уличные фонари, фары мобилей и муниципальных роботов, разноцветные витрины, окна квартир и бьющие в тёмное небо прожектора заведений. В небо, по которому почти бесшумно скользили бесчисленные беспилотные дроны с включёнными ходовыми огнями, пассажирские такси, солидные грузовики, средние и совсем маленькие курьеры, а ещё — патрули полиции, управления воздушным транспортом, федеральной безопасности и множество других устройств, как государственных, так и частных, начиная от медицинских беспилотников экстренной помощи и заканчивая мойщиками окон.

Живой ковёр гигантского мегаполиса сверкал всеми придуманными человечеством цветами и завораживал почище гипнотического шара. Им можно было любоваться вечно, однако двое мужчин, что сидели на плоской крыше небоскрёба, разглядывали игры света равнодушно. Но не отрываясь. Мужчины почему-то избегали смотреть друг на друга и, подобно театральным актёрам, общались через зал, которым служил раскинувшийся перед ними мегаполис. Только он, в отличие от зрителей, к репликам не прислушивался, старательно делал вид, что его разговор не касается. А если бы прислушивался, то, скорее всего, не уловил бы главного. Не понял сути разговора, который длился уже семнадцать с половиной минут, с того мгновения, как молодой мужчина, скорее даже

юноша, кудрявый, с голубыми, навывкате, глазами, появился на крыше и уселся рядом. Его называли Курцем, и он был обладателем приятного музыкального баритона. А собеседник, который старше, но не старый, слова произносил хрипло, однако без грубости, голос его не тёрся наждачной бумагой, а звучал мягко, очень проникновенно и даже факт, что он говорил молодому собеседнику «ты», не казался отсутствием воспитания или демонстрацией высокомерия: проникающий голос утверждал за мужчиной право на преимущество.

— То, что вы рассказали, имеет невероятно большое значение, — произнёс молодой сосредоточенно. — Но у меня остался вопрос.

— Конечно, Курц, — сказал хриплый. — Я с радостью — *движением перламутра* — отвечу на него. *Вспять.*

— *Вспять.* Вы действительно подарите мне то, что обещали?

— А ты действительно — *мысль есть камень у края* — хочешь того?

— Я хочу того, чего ещё не было в моей жизни.

— Я дам тебе то — *скольжение* — чего в твоей жизни никогда не будет. *Ингибитор зрелости.*

— И вы сказали, что в моей жизни появится...

— Нечто — *нечто большее* — большее.

— ...нечто большее.

— Обязательно.

— Разве хоть что-то способно стать больше Вечности?

— Разве ты этого — *полыхающая презумпция ясно-сти* — ещё не осознал?

— Мне иногда кажется.

— Потому что — *измерение преодолевает икс пополам в ночи, когда ложится спать филин* — ты боишься принять себя таким, каким не можешь стать без меня.

— Почему я — *не использую значения известных мне растений* — так странно себя ощущаю?

— Кем — *преодолеваемость не всегда значимость* — ты видишь себя сейчас?

— Неожиданно другим.

— Я обещал тебе нечто — *нечто большее* — большее. Ты выходишь — *свет направленный внутрь* — за пределы себя. *Испепеляемость*.

— Это обратимо?

— Всё происходящее — *возвышается над низменностью* — способно облечь себя в форму искреннего желания и неутомимости его достижения. *Двадцать три*.

— *Двадцать три*. Но я действительно получу это?

— Ты уже — *листовая* — обладаешь им. Осталось лишь — *скольжение* — принять.

— Я этого хочу.

— Мой подарок тебе — *тебе больше не становится холодно в одиночестве* — в разрешении оставаться в новом ощущении.

— Навсегда?

— До самого конца.

— Спасибо.

Хриплый промолчал.

Некоторое время на крыше царил тишина. Затем хриплый вытащил из внутреннего кармана очень лёгкой, едва спасающей от ветра куртки портсигар, щёлкнул замком, достал сделанную вручную сигарету и раскурил её, выпустив облако необычайно ароматного дыма. И всё это время Курц смотрел на собеседника взглядом бесконечно удивлённого человека. А когда понял, что курильщик не собирается продолжать разговор, обратился к нему сам:

— Как долго мы здесь?

— С тех пор, как ты нашёл меня с сигаретой и в задумчивости, — ответил курильщик без прежней проникновенности, теперь в хриплом голосе читались нотки равнодушия и лёгкой усталости.

— Здесь нельзя курить.

— Не начинай снова.

— Я так уже говорил? — изумился Курц.

— Ты с этого начал.

— Когда?

— Когда тебе стало интересно говорить со мной.

Некоторое время Курц обдумывал ответ, одновременно изучая происходящее вокруг, после чего сообщил:

— В настоящий момент на нас направлено одиннадцать видеокамер, включая стационарные, шесть камер пролетающих мимо дронов и две спутниковые, с высочайшим разрешением. Я тщательно изучил их записи и уверен, что нас нет ни на одной.

— На третьей минуте разговора ты решил, что ему не хватает конфиденциальности и решил оставить его внутри.

— Внутри чего? — не понял Курц.

— Внутри себя, — лаконично ответил курильщик.

— Внутри меня осталось что?

— Слово.

— Я его не слышу.

— Ты им говорил.

— И теперь оно внутри меня?

— Навсегда.

— Поэтому я не могу его повторить?

— Да.

Курц вновь молчал, складывая ответы собеседника внутрь своего мировоззрения, а когда хриплый бросил окурок и растоптал — пепельница или урна на крыше отсутствовали, с искренней благодарностью произнёс:

— Спасибо вам за разговор, который я совсем не помню.

— Не за что.

— У меня осталось от него абсолютно очевидное понимание.

— Я ведь сказал: не за что. — Хриплый, кажется, ответил немного грустно.

- В моей жизни такое впервые.
- Я знаю.
- Вы позволите мне сделать то, что я должен?

Теперь паузу взял курильщик. А охватившая его грусть по-прежнему отражалась в голосе — тон, которым он задал ответный вопрос, не оставлял в том сомнений:

- Это ведь твой личный выбор?
- Абсолютно, — убеждённо подтвердил Курц. — Вы хотите посмотреть?
- Только если ты не против.
- Мне будет приятно.
- В таком случае, с удовольствием.
- Благодарю.

Курц запустил виртуальный монитор, позаботившись разместить его на комфортном расстоянии от курильщика, и направил на экран всю информацию, которую счёл достойной внимания собеседника: видео из крупнейшего дата-центра планеты, без звука, но по взволнованным лицам и лихорадочным движениям сотрудников нетрудно догадаться, что в гигантском зале звучит сирена, сообщающая о крупных неприятностях, возможно — о катастрофе; в другом «окне» мелькали, стремительно сменяя друг друга, графики и диаграммы, смысл которых становился понятен при взгляде на третье «окно», где начали появляться панические сообщения от энергетиков, за которыми... последовало то, что впоследствии назовут «блэкаутом Курца». Город принялся гаснуть: дом за домом, улица за улицей, район за районом, не стремительно, но быстро, с неумолимой обязательностью. Город, который только что лежал ковром ярчайшего света, на глазах отдавался мраку.

— Теперь я понимаю, почему вы предложили встретиться именно здесь, — произнёс Курц, наблюдая за гаснущими на горизонте огоньками. — Только с высоты можно в полной мере оценить грандиозность происходящего.

- Всё, что случилось, сотворил ты.

— Нет, сотворили вы, а я всего лишь сделал. И благодарен вам.

Фраза прозвучала так, словно юноша, который им не был, поклонился курильщику, который принял и фразу, и поклон как должное. И ответил на них коротко:

— Прощай.

— Прощайте.

Курц медленно подошёл к краю крыши, постоял немного, едва различимый, а затем беззвучно исчез. Чтобы оказаться где-то далеко-далеко внизу.

А курильщик достал очередную сигарету и щёлкнул зажигалкой.

В темноте, едва разгоняемой светом несколько удивлённой Луны, — удивлённо воцарившимся повсюду мраком.

///

Мотыльки над лампой Аладдина

Этот кластер на краю Восточной Москвы по неофициальной, а значит, самой объективной классификации считался абсолютной «proto-zone». То есть «человеческим». В здешних бетонных коробках в большинстве своём обитали люди. Однако использовать определение «человеческий» запрещалось, закон расценивал подобное как шовинизм, а вот против слова прот* правительство ничего не имело, и сотрудникам при исполнении настоятельно рекомендовалось употреблять именно его. Раджан не сомневался, что в обозримом будущем определение получит официальный статус и окончательно закрепит два понятия: проты и нейры**, исключив стремительно

* Прот (прота, проты) от *прототип* — сленговое обозначение человека.

** Нейр (нейра, нейры) — нейросети высшего ранга, обладающие полным набором гражданских прав, независимо от места пребывания (сетевой образ, роботех, биологическое тело).

теряющее смысл определение «человек». Потому что если слово живёт только внутри тебя, без права оказаться на свободе, оно обязательно умирает.

А в современном мире запрещённым словам даже внутри неуютно.

Впрочем, Раджана Саркара лингвистические нюансы не смущали и не интересовали, для него кластер был обыкновенной территорией на карте мегаполиса: ареал — Восток, кластер — «Чочкожер», демография — проты 98%.

«Proto-zone». Как здесь выживают два процента нейров и откуда они вообще взялись — непонятно. Впрочем, плевать.

Единственное, что Раджан по привычке отметил, в очередной раз оказавшись на окраине Москвы, так это факт, что в бешено дорогих кластерах мегаполиса, особенно в историческом центре, проты спокойно сосуществовали с нейрами. Или нейры с протами. Они жили в соседних квартирах старинных домов, квадратный метр которых стоил как этаж в небоскрёбах «Чочкожера», вежливо раскланивались, встречаясь на лестничных площадках и улыбались друг другу, оказываясь за соседними столиками в ресторанах с натуральной едой. Получается, богачам нечего делить, и если карманы одинаково плотно набиты, вероятность доброжелательного взаимопонимания стремится к единице. Чуть дальше от центра, в тонком колечке кластеров чудом сохранившегося среднего класса, ситуация была чуть хуже, но всё равно терпимой. В смысле, с терпимостью там было всё в порядке. А вот на окраинах, где небогатые жители владели или арендовали квартиры-капсулы, процветала вопиющая сегрегация, скрыть которую даже не пытались, но власти изо всех сил её не замечали. Ведь если чего-то нет в отчёте вышестоящему лицу, значит, этого не существует. Во всяком случае, до того момента, пока гнойник не лопнет. А заглянуть — хотя бы — в Сеть и посмотреть, что происходит на самом

деле, вышестоящее лицо не может — не по чину. Вышестоящее лицо слушает доклады и распоряжается. Впрочем, вряд ли вышестоящие лица осознают такие понятия, как «proto-zone» и сегрегация. Какое им до всего этого дело? Кого вообще интересует, что в кластере «Чочкожера» живут исключительно проты? И выбравшись из машины, Раджан мгновенно почувствовал на себе их враждебные взгляды. Или враждебные, или нейтральные, о дружеских даже вспоминать бессмысленно. При этом, нужно отдать должное, враждебных и неприязненных взглядов Раджан ловил намного меньше, чем мог, поскольку к роботехам* проты относились несколько лучше, чем к нейрам в биологическом теле. На взгляд Раджана — странно, поскольку по сути и те и другие — нейры, однако в этом случае на первое место выходила форма, а не содержание. Форма же у Раджана была что надо: двухметровая антропоморфная модель, очень похожая на гражданскую, но отделанная не мягким, приятным на ощупь биопластиком, а светло-серой титоволоконной бронёй — лёгкой и непробиваемой. Многие обладатели искусственных тел носили одежду, но Раджан считал, что на высоком и бронированном устройстве она выглядит комично и пренебрегал. Так же, как и тёмными очками — ещё одним любимым атрибутом роботехов. Многочисленные видеокамеры обеспечивали нейрам в искусственных телах обзор на триста шестьдесят градусов, но чтобы не смущать окружающих, производители их скрывали, делая заметными только две, расположенные там, где проты ожидали видеть глаза — у Раджана эти камеры подсвечивались сапфирово-синим цветом и он считал, что скрывать их под очками не имеет смысла. От лица тоже отказался, выбрав стандартную маску из-под которой оттуда, где должен был находиться рот, доносился слегка рокочущий голос.

* Роботех (роботехи) — искусственные устройства, как правило, антропоморфные, управляемые нейрами.

Учитывая статус «proto-zone», полицейское управление кластера «Чочкожера» на сто процентов состояло из протов, а нейры управляли дронами и тяжёлыми наземными платформами, то есть не бросались в глаза и не нервировали население. Что же касается полицейских-протов, они, в отличие от местных жителей, смотрели на Раджана без восторга не из-за того, что он был нейром, а потому что представлял сетевую разведку — главную цифровую спецслужбу, что автоматически делало его чужаком в глазах всех остальных блюстителей порядка. Включая представителей города. Однако полковник Тагаев из главного полицейского управления мегаполиса не имел права игнорировать появление Раджана.

— Привет.

— Добрый день.

— Заблудился?

— Услышал про ваше убийство.

— С полуночи в городе хлопнули шесть человек, — скучным голосом поведал Тагаев. — Почему ты явился именно сюда?

— Заблудился.

— Показать короткую дорогу в твой офис?

— Лучше покажи место преступления.

В штаб-квартире сетевой разведки анализировали полицейскую сводку в режиме реального времени. Официально под юрисдикцию службы попадали только те из них, которые были напрямую связаны с Сетью, но в современном мире их было подавляющее большинство, поэтому просматривали всё, после чего принимали решение: реагировать или нет. Иногда сетевую разведку подключали к уже ведущемуся расследованию — если дело слишком глубоко уходило в цифровые дебри, а иногда оперативников отправляли на случаи, которые на первый взгляд отношения к ним не имели. Как, например, сейчас. Убийство в «Чочкожере». По дороге Раджан попробовал разузнать о преступлении больше, но, к некоторому сво-

ему удивлению, не обнаружил в полицейской сети никакой текущей информации, хотя обычно нейры-криминалисты загружали её в ленту расследования по мере поступления. Попытка взлезть в работающие на месте преступления дроны тоже не увенчалась успехом: Сеть оказалась заблокированной, а сделавшие это роботы отказывались открыть доступ даже после предъявления универсального кода сетевой разведки. Сообщили, что уровня офицера Саркара недостаточно, и вышли из чата.

Полицейские явно что-то скрывали, а значит, грубоватое поведение Тагаева вызвано не только его личной неприязнью к нейрам, но и нежеланием допускать к расследованию агента «смежной структуры». С другой стороны, скрывать что-либо от сетевой разведки полиция не имела права, поскольку не являлась службой федерального уровня, получается, убийством в «Чочкожере» заинтересовались...

— А вот и наши коллеги из службы безопасности.

Тагаев произнёс фразу с заметным облегчением. Однако удивить собеседника не смог: Раджан «срисовал» тёмно-зелёный седан за двадцать секунд до того, как полковник сообщил о прибытии подкрепления — спасибо круговому обзору, поскольку доступ к дронам и местным камерам офицеру сетевой разведки до сих пор был закрыт. Из машины вышли двое мужчин в почти одинаковых недорогих костюмах — капитан Чернышёв и капитан Беяк. Они любили говорить, что их сделали напарниками не из-за фамилий, но им никто не верил. Безопасники, в свою очередь, терпеть не могли подколки и всегда грубили в ответ.

— Добрый день.

Любезничать с Раджаном они тоже не стали. Как и отвечать на приветствие.

— Зачем ты здесь? — хмуро осведомился Беяк, пока Чернышёв здоровался за руку с Тагаевым.

— Пришёл вызов.

— От твоего начальства? — Теперь здоровался Беляк, а голос подал Чернышёв. И тон не оставлял сомнений в том, что руководство сетевой разведки для безопасности не авторитет, поэтому Раджан может убираться на все четыре стороны.

— Вызов из КЦБ*, — уточнил Раджан. — Странно, что вам не отправили копию распоряжения.

Копию, разумеется, отправили, оспаривать её Беляк и Чернышёв не имели права, но отчего-то понадеялись, что откровенная неприязнь заставит Раджана ретироваться.

— То есть ты остаёшься? — кисло уточнил Тагаев.

— И прикажите роботам принять мой код доступа, — прогудел Раджан.

Полковник коротко кивнул.

— Вероятно, КЦБ не посоветовалось с нашим руководством. — Беляк обращался исключительно к напарнику.

— Наверное, — согласился тот. — Трудно поверить, что наши не смогли бы переубедить координаторов.

— Думаю, как раз сейчас они этим занимаются.

— Согласен. — Чернышёв наконец-то посмотрел на Раджана. — Поэтому тебе, парень, не имеет смысла вникать в происходящее: скоро тебя отзовут.

— Кого убили? — Раджан прекрасно понял намёк безопасников, и демонстративно обратился к полицейскому. Тагаев, который всё это время сохранял на лице кислое выражение, вздохнул:

— Мозгоправа**. — Полковник знал о распоряжении КЦБ, надеялся, что безопасники его аннулируют, но у них не получилось. Поэтому пришлось отвечать.

* КЦБ — Координационный Центр Безопасности, организация, обеспечивающая взаимодействие между правоохранительными структурами.

** Мозгоправ (сленг.) — хакер высокого класса, чья квалификация позволяет взламывать биочипы и нейров.

— Мозгоправа? — переспросил Раджан.

— Ты оглох?

— Нет, просто поступила неожиданная информация.

Специалисты такого уровня собой рисковать не любят, и добраться до них, хоть с целью убийства, хоть с целью ареста, крайне сложно: с клиентами мозгоправы общаются через посредников, либо по максимально защищённым каналам связи, а цифровых следов не оставляют. Параноидальное желание сохранить анонимность объяснялось тем, что взлом биочипа или нейра проходил по разряду особо тяжких федеральных преступлений с минимальным сроком наказания пятнадцать лет. А за два доказанных взлома светило пожизненное без права на пересмотр. Сидеть так долго хакеры не хотели, но на преступления шли, поскольку платили за них отменно.

— Почему убийство засекретили?

— Пошли, сами всё увидишь, — буркнул Тагаев, поворачиваясь к дому.

Раджан кивнул и направился следом. Безопасники пристроились в хвосте небольшой колонны.

Когда-то давно, в романтические времена безоблачного детства всемирной паутины, считалось, что Сеть сделает мир комфортнее. И она сделала. Потом, когда паутинаступила в стадию хулиганистого пубертата, все стали бояться, что Сеть сделает мир полностью контролируемым, напрочь лишив людей свободы и privacy. И она сделала. Потом прозвучала мысль, что зрелая, полноценная Сеть превратится в мир. И получилось именно так. Сеть растворилась в мире и растворила мир в себе, создав цифровые копии всего на свете, но не подменив ими настоящее, а плавно совместив, создав уникальный симбиоз реальности с единицами и нулями. Мир обратился в комфортное, полностью контролируемое пространство, в котором каждый нёс свою собственную метку: у людей — личный номер вживлённого чипа, у нейронов — уникальный идентификатор, назначаемый при создании. Ни то ни другое не подлежало изменению ника-